

Dmitri Hvorostovsky, baritone New York

After Dmitri Hvorostovsky underwent treatment for a brain tumor, it was not clear that the Russian baritone would be able to return to the Metropolitan Opera this season for *Il Trovatore* or for his February 17 recital at Carnegie Hall. But after last year's cancellations, he managed both engagements, appearing in fairly good health. Audiences were cheering.

His recital program was well chosen, consisting of Russian songs but concluding with an early Richard Strauss group. The Russian language is not very familiar to most American listeners, and non-Russian performers sensibly tend to stick with what they can pronounce. But in the mother tongue, singers use their whole torso as a resonant instrument, so Hvorostovsky's groups by Glinka, Rimsky-Korsakoff, and Tchaikovsky were a rare treat for the full house.

Glinka, born in 1804, was more a contemporary of Schubert and Schumann than of the Russians with whom he is often associated. He also sang. This explains the dignified beauty of his seemingly simple style, which suggests art song but doesn't show off. 'To Molly' as well as 'How Sweet It Is to Be with You' and 'Say Not That It Grieves the Heart' were direct and full. In this performance Hvorostovsky was more effective in the rolling 'Ol' Man River' mode than in the upper "you and me, we sweat and strain" range. His downcast eyes were puzzling, unless it had to do with the inconspicuously placed music stand. But in the lively melody and verses of 'Bolero,' he did look at the listeners.

In songs by Rimsky-Korsakoff, who lived until 1908—a full half-century after the death of Glinka—one could hear the evolution of

pianism and passionate expression. The early 'What Is My Name to Thee?' had verses; but the music changed, as if straining toward art song. For texts Rimsky relied on Pushkin and Alexei Tolstoy, a distant relative of Leo. 'On the Hills of Georgia' was more anguished, 'O If Thou Couldst for One Moment' more dramatic, 'The Wave Breaks into Spray' more flowing—its "notey" effusive piano part a reminder that Rimsky had been a naval officer and was no doubt affected by the power of the sea.

The playing of Hvorostovsky's frequent pianist, Ivori Ilja, who has a solo career in Europe, was strong, evenly-weighted, uncomplicated, and a pleasure to listen to, matching the singer to a fare-thee-well.

The third of the evening's four groups was by Tchaikovsky. Outstanding was the operatic 'I Bless You, Forests,' which sets the scene before the singer enters (also one of Strauss's great tricks). 'Amid the Din of the Ball' displayed Tchaikovsky as the waltz master everyone knows.

By the Strauss group, so familiar that one detected they were not in the performer's mother tongue, Hvorostovsky looked tired, but his singing held. (A similar group of songs had been planned for the January recital of the tenor Jonas Kaufmann, but it turned out that Kaufmann was the one who cancelled because of an unspecified illness.) 'Befreit' (Released) is a screamer, and, while its drama suggests it should be placed at the end of a program, its difficulty indicates it should come earlier, and also not near brain treatments. Unlovely high notes and frequent breaths were totally excusable, but why not just leave that song out? The serene 'Morgen' was just right, with great breath resources, culled from somewhere, as they were in the ecstatic 'Cécilie'.

Encores were a Neapolitan song and a plaintive folk song in Russian. Guess which one was sweeter and more touching.

LESLIE KANDEL

18 февраля 2016

Дмитрий Хворостовский, баритон

Нью-Йорк

После того как Дмитрий Хворостовский прошел курс лечения от опухоли головного мозга, было неясно, сможет ли российский баритон вернуться в этом сезоне в Метрополитен-оперу для участия в опере "Трубадур" или выступить 17 февраля с сольным концертом в Карнеги-холле. Однако после прошлогодних отмен он справился с обоими выступлениями, показав себя в довольно хорошей форме. Публика встречала его восторженными овациями.

Программа концерта была составлена очень удачно. Она включала главным образом романсы русских композиторов и завершалась ранним циклом песен Рихарда Штрауса. Большинству американских слушателей русский язык не очень знаком, и нерусскоговорящие исполнители разумно предпочитают придерживаться того, что они могут правильно произнести. Но именно на родном языке певец использует всё своё тело как резонирующий инструмент, поэтому романсы Глинки, Римского-Корсакова и Чайковского в исполнении Хворостовского стали настоящим подарком для переполненного зала.

Михаил Глинка, родившийся в 1804 году, был скорее современником Шуберта и Шумана, чем русских композиторов, с которыми его обычно связывают. Он и сам пел. Этим объясняется благородная красота его на первый взгляд простого стиля, напоминающего художественную песню, но лишённого внешней эффектности. Романсы "К Молли", "Как сладко с тобою мне быть" и "Не говори, что сердцу больно" прозвучали искренне и глубоко. В этом концерте Хворостовский был особенно убедителен в произведениях, требующих мощного, раскатистого звучания - почти в духе "Ol' Man River"*, - чем в более высокой тесситуре. Его постоянно опущенный взгляд несколько озадачивал, если только причиной не был незаметно установленный перед ним попир с нотами. Однако в живом и мелодичном "Болеро" он уже обращался взглядом непосредственно к слушателям. В романсах Римского-Корсакова, прожившего до 1908 года - почти на полвека дольше Глинки, - можно было услышать эволюцию фортепианной игры и страстную экспрессию. В раннем романсе "Что в имени тебе моём?" ещё ощущается строфическая форма, однако музыка уже стремится выйти за её рамки, приближаясь к подлинному художественному романсу. Для своих произведений Римский-Корсаков обращался к стихам Пушкина и Алексея Толстого - дальнего родственника Льва Толстого. Романс "На холмах Грузии" звучал более тревожно, "О, если б ты могла" - более драматично, а "Дробится, и плещет, и брызжет волна" - свободно и текуче. Его насыщенная, словно переливающаяся нотами фортепианная партия напоминала, что Римский-Корсаков был морским офицером и, несомненно, находился под сильным впечатлением от могущества моря.

Игра постоянного концертмейстера Хворостовского Ивари Илия, успешно выступающего и с сольными программами в Европе, силой, ровностью звучания и отсутствием внешней вычурности доставляла настоящее удовольствие, и он идеально дополнял певца.

Третья часть программы была посвящена романсам Чайковского. Особенно выделялся романс "Благословляю вас, леса", почти оперный по масштабу, где фортепиано создаёт атмосферу ещё до вступления певца - приём, которым позднее блестяще пользовался и Штраус. В романсе

"Средь шумного бала" Чайковский вновь предстал известным всему миру непревзойдённым мастером вальса.

К началу исполнения песен Рихарда Штрауса, столь хорошо знакомых публике, что было заметно: они исполняются уже не на родном языке певца. Хворостовский выглядел уставшим, но его пение оставалось на высоте. (Любопытно, что этот же цикл должен был исполнить на январском концерте тенор Йонас Кауфман, однако именно он отменил своё выступление из-за болезни.) Песня "Befreit" ("Освобождённый") чрезвычайно сложна для исполнения. Хотя её драматизм словно требует поставить её в финал программы, техническая трудность скорее подсказывает, что она должна звучать раньше, тем более после недавно перенесённого лечения мозга. Не слишком красивые верхние ноты и частые вдохи были совершенно простительны, однако возникает вопрос: не лучше ли было вовсе отказаться от исполнения именно этого произведения? Зато спокойная и светлая "Morgen!" прозвучала именно так, как следовало, демонстрируя великолепное дыхание певца, которое столь же впечатляюще проявилось и в восторженной "Cäcilie".

На бис прозвучали неаполитанская и русская народная песни. Угадайте, какая из них была более мелодичной и проникновенной.

ЛЕСЛИ КАНДЕЛ

*«Ol' Man River» - песня Джерома Керна на стихи Оскара Хаммерстайна II для бродвейского мюзикла "Show Boat" (1927), одна из самых известных композиций из этого спектакля. Исполняемая бывшем рабом она показывает контраст борьбы и трудностей афроамериканцев с бесконечным, безразличным течением реки Миссисипи. В репризах песня комментирует происходящее в спектакле, как бы говоря: "Это произошло, но река всё равно течёт дальше".

Перевод с английского Н.Тимофеева